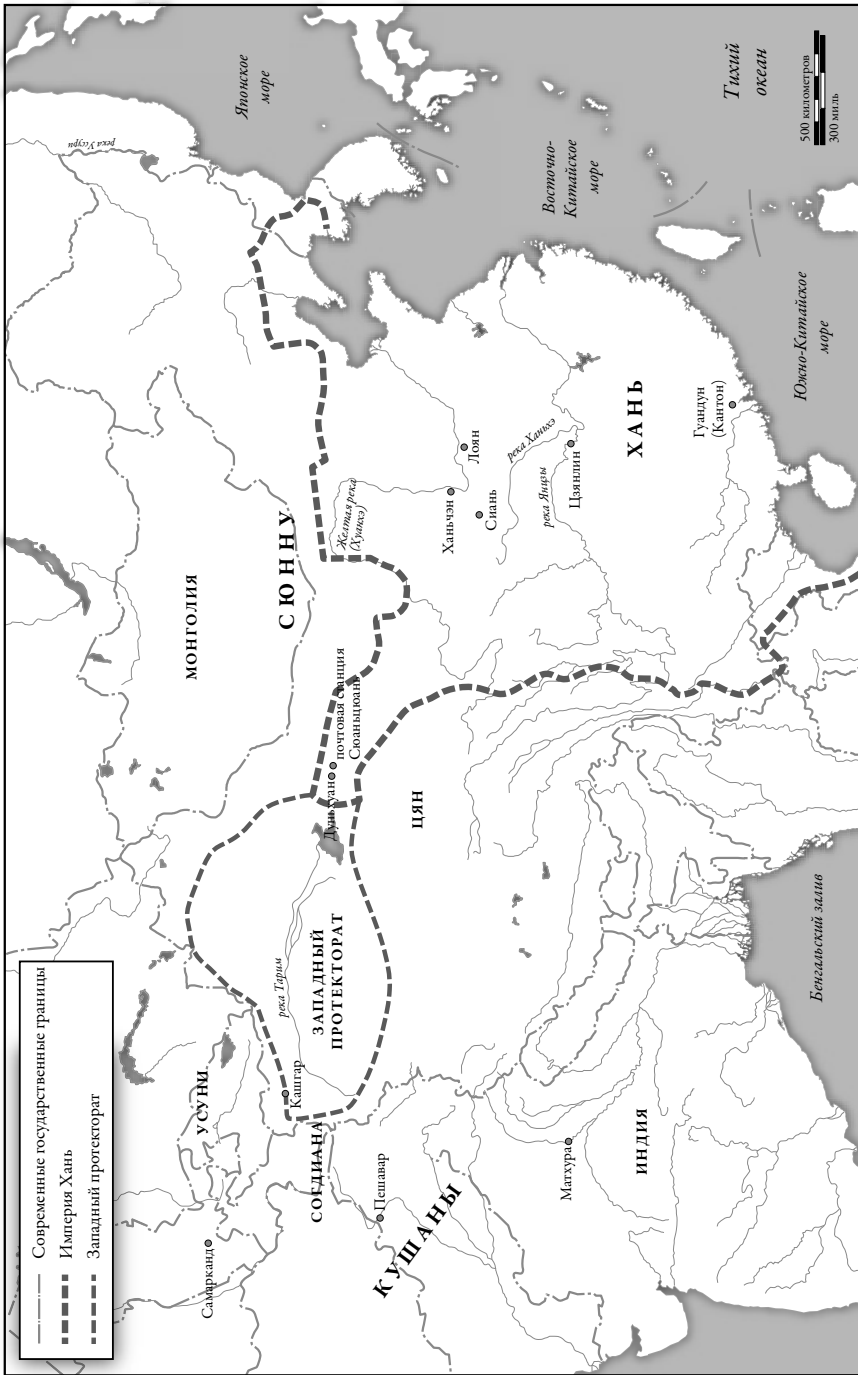
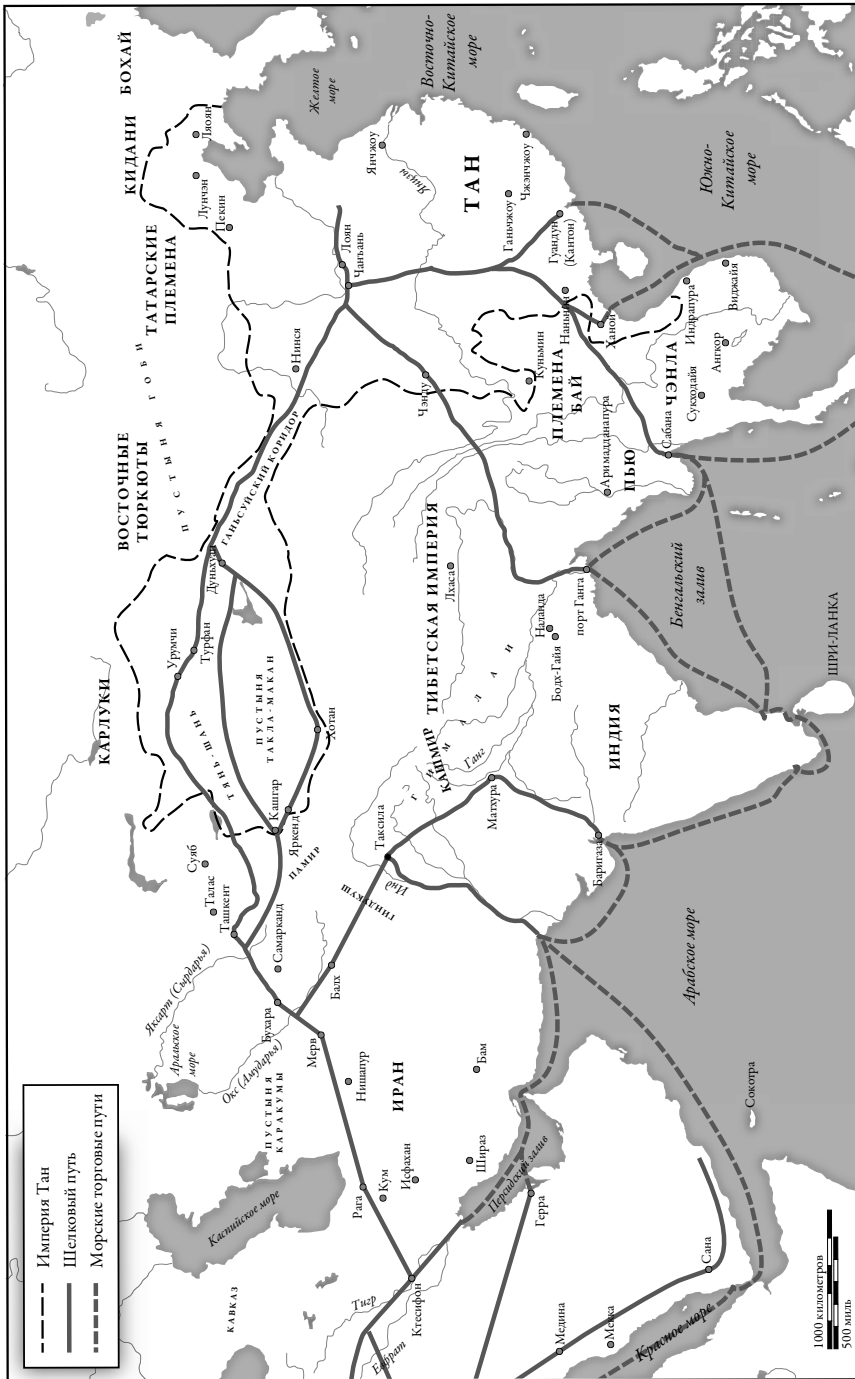

ОГЛАВЛЕНИЕ

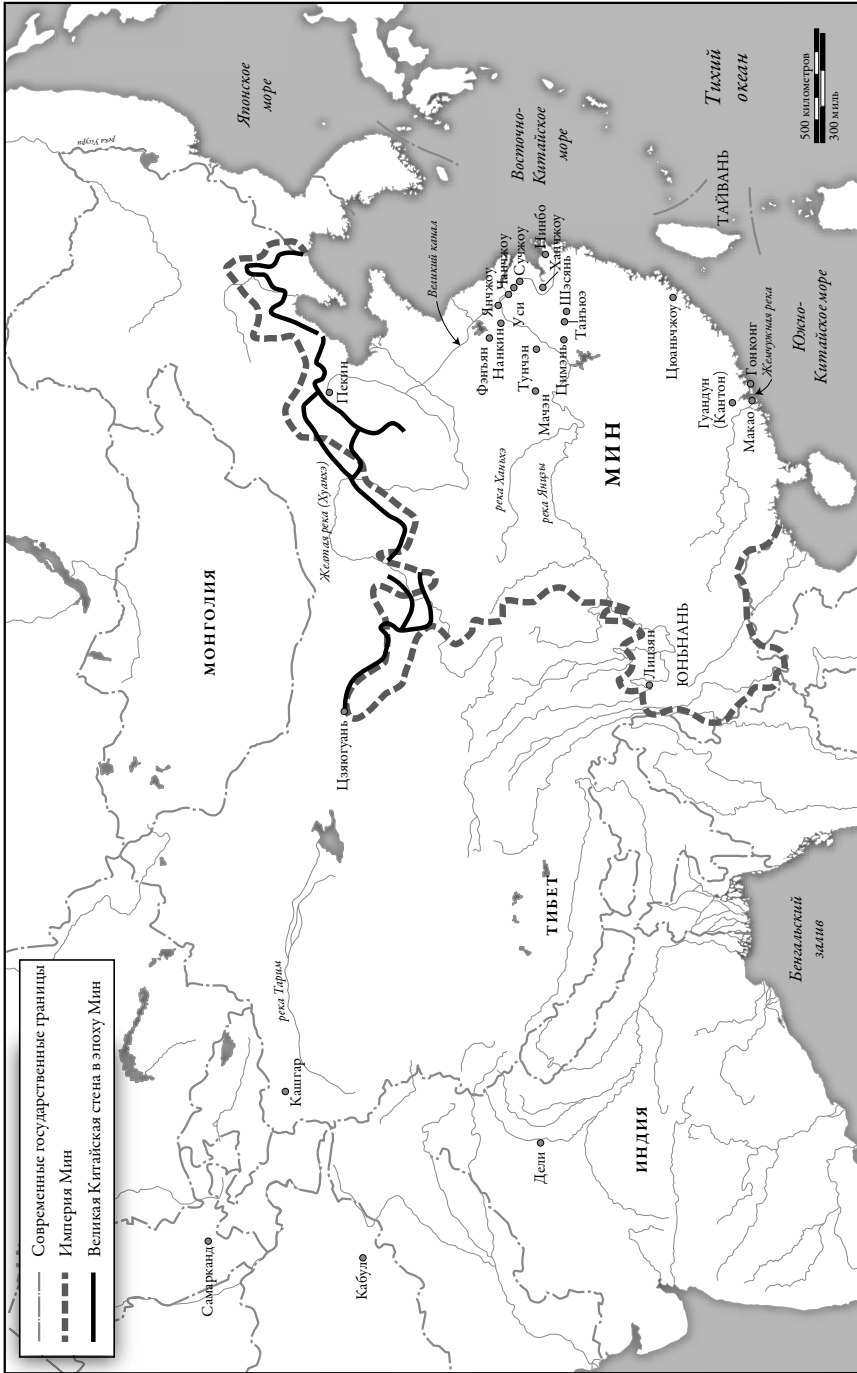
<i>Предисловие</i>	15
<i>Пролог. Пекин, декабрь 1899 г.</i>	21
Глава 1 Корни	33
Глава 2 Великая война Шан	63
Глава 3 Небесный мандат	77
Глава 4 Первый император и объединение Китая	93
Глава 5 Империя Хань	117
Глава 6 Славная эпоха Тан	147
Глава 7 Упадок и крушение	175
Глава 8 Пять династий	194
Глава 9 Сунский Ренессанс	208
Глава 10 Падение Северной Сун	226
Глава 11 Южная Сун, 1127–1279 гг.	249
Глава 12 Юань: Китай под властью Монгольской империи	270
Глава 13 Мин	300
Глава 14 Последние дни империи Мин	332
Глава 15 Великая Цин: долгий XVIII век	368
Глава 16 Опиумные войны и тайпины	406
Глава 17 Великая китайская революция, 1850-1950 гг.	446
Глава 18 Эпоха реформ: от Республики до Мао	483
Глава 19 Подъем нового Китая	521
<i>Послесловие</i>	563
<i>Благодарности</i>	569
<i>Примечания</i>	571
<i>Список литературы</i>	595
<i>Предметно-именной указатель</i>	614

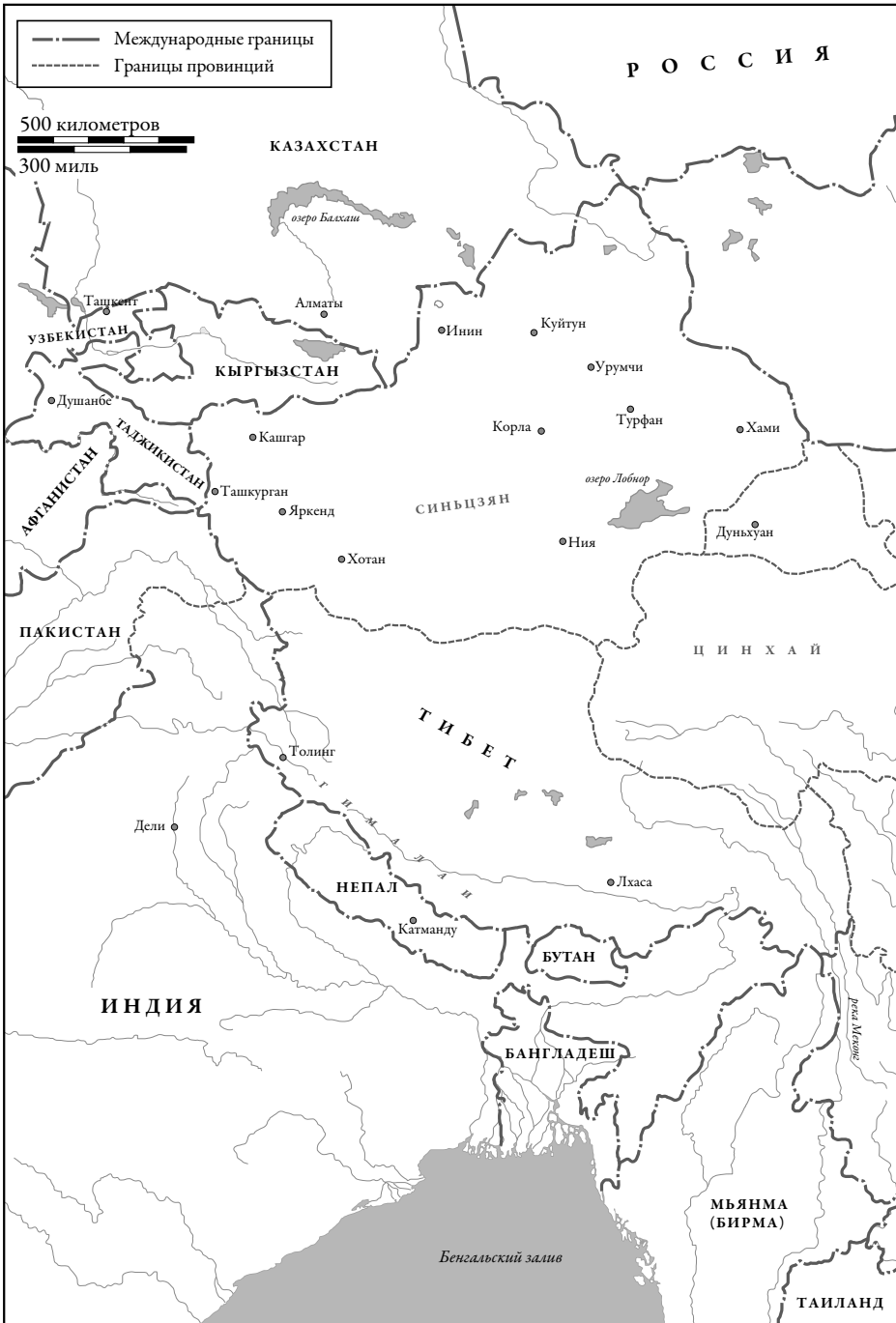
Хань, 202 г. до н. э. – 220 г. н. э.

Шелковый путь и эпоха Тан, 618–907 гг.

Мин, 1368–1644 гг.

Современный Китай

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга есть плод моего долгого увлечения Китаем, начавшегося еще в школьные годы в Манчестере с «Поэзии поздней Тан» Энгуса Грэма — одного из тех сочинений, что открывают перед читателем окно в мир, о существовании которого он раньше и не догадывался. Позднее, в годы аспирантуры в Оксфорде, мне довелось жить под одной крышей с синологом, и это стало временем новых открытий, познакомивших меня с такими удивительными работами, как «Книга песен» Артура Уэйли. Среди потрясающих личностей, бывавших у нас в гостях, оказался Дэвид Хукс, который присутствовал на площади Тяньаньмэнь в тот самый день 1 октября 1949 г., когда была провозглашена Китайская Народная Республика, и который не так давно покинул профессорский пост преподавателя китайского языка, чтобы заняться переводом «романа тысячелетия»¹ — знаменитого «Сна в красном тереме» (история этой книги будет рассказана мной ниже; см. с. 392).

С тех пор и на протяжении более четырех десятилетий я неоднократно посещал Китай в качестве путешественника и телеведущего, работая, среди прочего, над серией фильмов «Китайская история», которая демонстрировалась по всему миру, а затем, в 2018 г., — над документальным циклом, посвященным сороковой годовщине политики «реформ и открытости» Дэн Сяопина, ставшей одним из самых значительных событий новейшей истории.

Наконец, совсем недавно, осенью 2019 г., я еще раз приехал в Китай, чтобы снять фильм о его выдающемся поэте Ду Фу, причем эта поездка, пусть и с некоторым опозданием для настоящей книги, предоставила мне еще одну возможность задуматься о древности китайской культуры и ее непреходящих идеалах.

Мы проводили съемки в городе Чэнду, где Ду Фу с конца 759 г. жил на протяжении почти четырех лет. Сегодня место, где предположительно располагалась его тростниковая хижина, является одной из самых очаровательных и популярных у туристов достопримечательностей Китая, привлекая своими декоративными ручейками и садами, бамбуковыми зарослями, персиковыми и сливовыми деревьями, которые перемежаются желтыми проблесками цветков ламея и жасмина. Реконструированные здания, павильоны и сувенирные лавки могут показаться посетителю начисто выдуманым прошлым, но не так давно, после одной случайной находки, сделанной во время прокладки водоотвода, на территории туристического комплекса удалось обнаружить фундамент небольшого буддистского монастыря эпохи Тан с домами и вымощенными кирпичом площадками — точь-в-точь такими, как их описывал Ду Фу.

В надписи на табличке, датированной 687 г., упоминается даже «небольшая пагода старшего монаха»: это, по-видимому, то самое сооружение «к западу от реки», которое Ду Фу называет «пагодой монаха Хуана». Вместе с керамической посудой и глиняной утварью, фрагментами черепицы и покрытыми орнаментом и изображениями кирпичами эпохи Тан эта находка в деталях подтверждает традицию, стойко передаваемую на протяжении более 1200 лет.

Несмотря на неоднократные разрушения и последующие восстановления, перед нами предстает то самое место. Сегодня на поверхности не осталось ничего, что отличалось бы хоть какой-то древностью, но в Китае значимы отнюдь не материальные элементы конструкций и сооружений. Сам дух места порождает легенды, песни и стихи, передаваемые через поколения и становящиеся сокровищами; именно это Конфуций называл «нашей культурой»².

Однако писать о китайском прошлом — нелегкая задача, особенно для того, кто не является профессиональным синологом. Китай — огромная и невероятно богатая, поистине неисчерпаемая тема, «другой полюс человеческого разума», как выразился Симон Лейс в своем знаменитом эссе³.

История Китая необъятна: на тему каждой из глав моей книги написано столько трудов, что их хватило бы на целые небольшие библиотеки! И эта история расширяется с каждым днем благодаря потоку новых открытий, не иссякающему в последние годы⁴. Среди множества недавно обнаруженных текстов, которые все еще находятся в процессе первичного изучения и подготовки к публикации, имеются, например, потрясающие собрания частных писем, законодательных сводов и судебных дел, восходящих ко временам империй Цинь и Хань (III в. до н. э. — III в.).

После открытия Терракотовой армии в гробнице Первого императора, которое было сделано в 1974 г., состоялось множество других сенсационных археологических находок — таких, например, как удивительная и доисторическая обсерватория, обнаруженная на археологическом памятнике бронзового века в Таосы (2600-1800 гг. до н.э.) в долине реки Фэньхэ в провинции Шаньси. Хотя многие из них еще только предстоит ввести в научный оборот, я попытался по возможности давать самые свежие описания: в частности, предварительная интерпретация поразительных находок на более северном памятнике Шимао (2300-1800 гг. до н.э.), излагаемая в первой главе, была предложена проводившими раскопки археологами только в 2017 г. Ранний период китайской истории остается особенно интересной и постоянно развивающейся областью исследований.

Что касается формата этой книги, то я в манере кинорежиссера старался следовать основной линии повествования, делая время от времени отступления для съемок крупным планом, то есть выделяя отдельные места, эпизоды и биографии, предоставляя слово большим и малым. Описывая жизнь обычных людей в самом начале своего рассказа, я с благодарностью пользовался новыми находками, подобными личным письмам солдат империи Цинь — той самой Терракотовой армии, какой она была в реальности, — или письмам из дальних гарнизонов империи Хань, охранявших одинокие сторожевые башни на диких просторах вдоль Шелкового пути.

Такой метод обеспечивает тот уровень непосредственного восприятия событий, которого мы, британцы, достигли благодаря деревянным табличкам из крепости Виндоланда у Андрианова вала. От империи Тан остались письма, которыми обменивались буддийские монахи в Китае и Индии. Что касается более поздних периодов, то в нашем распоряжении имеются переписка матери и дочери, застигнутых врасплох ужасами маньчжурского завоевания; детский дневник, написанный во время Тайпинского восстания; записки сохранивших верность правительству сельских чиновников-конфуцианцев в закатные дни Последней империи; личные дневники и письма с рассказами о Ихэтуаньском восстании (1899-1901), вторжении японцев и «культурной революции». Во всех этих случаях, как заметит читатель, я постоянно использую метод «вида из деревни», полагая, что большую историю можно эффективно осветить при взгляде с самой земли.

Нередко на ход повествования так или иначе влияли мои личные предпочтения, из-за чего в книге встречаются порой довольно пространственные фрагменты, посвященные отдельным личностям: например, буддийскому паломнику Сюань-цзану, чье путешествие в Индию

послужило началом одного из важнейших эпизодов культурного обмена в истории; поэтам Ду Фу и Ли Цинчжао, которые жили в эпоху катаклизмов, охвативших империи Тан и Сун; «вольному и беззаботному страннику» Сюй Сякэ, ставшему свидетелем заката империи Мин; самому любимому писателю-романисту Китая, трагичному писателю Цао Сюэциню, творившему среди великолепия XVIII в.; пламенным феминисткам-революционеркам Цю Цзинь и Хэ Чжэнь, действовавшим на закате империи. Живые и мощные голоса всех этих людей, донесенные до нас великолепными переводчиками на английский язык произведений китайской литературы — среди них Патрисия Эбри, Рональд Эган, Джулиан Уорд, Дэвид Хоукс, Дороти Коу и многие другие, — позволяют нам вплести эти драматические личные истории в рассказы об их временах.

Я также пользовался свидетельствами ныне живущих людей, рассказывающих о прошлом на основании семейных документов и устных преданий, в которых описывается участие их предков в великих исторических событиях: таких, например, как крушение империи Юань, Тайпинское восстание, ставшее самой кровопролитной войной XIX в., или «культурная революция» 1966-1976 гг. В частности, в моем тексте читатель найдет свидетельства семейства Бао из деревни Таньюэ, аристократического клана Се из уезда Цимэнь, представителей рода Чжао из провинции Фуцзянь, семейств Фэн из уезда Тунчэн, Чжан из провинций Хэнань, Фуцзянь и Хунань, Цинь из округа Уси.

Зафиксированные в бережно хранимых семейных летописях-ксилографиях и, как и прежде, передаваемые из поколения в поколение, эти истории позволяют нам получить представление о той глубокой культурной преемственности, которая по-прежнему ощущается многими китайцами, несмотря на все пережитые ими грандиозные перемены. В последней главе, описывая события, последовавшие за смертью Мао Цзэдуна, я мог опираться на материалы интервью, которые были взяты в 2018 г. у непосредственных современников политики «реформ и открытости», запущенной сорок лет назад: бывших университетских студентов из Пекина и Шанхая, партийных функционеров из промышленного Гуанчжоу, крестьян с «бесплодных земель» аграрной провинции Аньхой — эпицентра драматических событий 1978 г., когда люди отвернулись от маоизма и бросились в объятия рынка. Проведенные во всех этих местах несколько месяцев 2018 г., пришедшиеся на подготовку этой книги и посвященные осмыслению событий минувших сорока лет, а также беседы с живущими там людьми, смогли, как я надеюсь, придать моему повествованию об этом критически важном периоде перемен оттенки

непосредственной причастности, которого можно добиться лишь благодаря свидетельствам очевидцев.

Кроме этого, я старался привязать свои рассказы к реальным местам и ландшафтам, будучи убежденным, что обрамляющая историю география всегда имеет важнейшее значение. История Китая как обжитого человеком пространства чрезвычайно глубока; как писал поэт Ду Фу в 757 г., в самый разгар кровопролитного мятежа Ань Лушаня, «страна распадается с каждым днем, но природа — она жива»*. Ландшафты и местность и есть упоминаемое здесь «живое». Во многих городах Китая люди жили на протяжении двух или даже трех тысячелетий, и описание того, как эти города менялись с течением времени, может дополнить изложение исторических событий.

Поэтому я и пытался поддерживать это чувство места на протяжении всего повествования. Причем, поразмыслив, я решил не ограничивать себя в употреблении имен и географических названий, которые упоминаются у меня столь же часто, как, например, Сомерсет и Шеффилд в какой-нибудь книге, посвященной Англии. Не думаю, что этого можно было как-то избежать; не китайскому читателю придется довериться рассказчику, но довольно быстро, я уверен, он начнет ориентироваться в том, где находится современная провинция Хэнань и куда течет река Хуанхэ, — и в этом, кстати, есть своя прелесть!

Надеюсь, что замечательные карты, которыми снабжена книга, помогут в этом деле. На них расширяющиеся и сужающиеся контуры Среднего царства подобны очертаниям живого организма, которым оно в определенном смысле и остается. На этих картах представлено не только торжество великих империй — Тан и Сун, Мин и Цин, — но и периоды их упадка и распада, что может оказаться не менее значимым. Как говорится в начале знаменитого романа «Троецарствие», «великие силы Поднебесной, долго будучи разобщенными, стремятся соединиться вновь и после продолжительного единения опять распадаются»**.

И наконец, о том, откуда пришла идея этой книги. Вдохновением для «Китайской истории» послужила серия фильмов, снятых в период с 2014 по 2017 г. для BBC и PBS, которые показывались в Китае и по всему миру. Конечно, любой иностранец, будь то писатель или режиссер, взявшийся за изображение другой культуры, не говоря уже о столь великой

* Ду Фу. *Весенний пейзаж* / Пер. А. Гитовича // *Поэзия эпохи Тан*. — М.: Художественная литература, 1987. С. 173-174. — *Прим. ред.*

** Перевод с китайского В. А. Панасюка. — *Прим. пер.*

цивилизации, как китайская, рискует столкнуться с непредвиденными сложностями. Несмотря на это, фильмы были тепло встречены китайской аудиторией; по словам государственного информационного агентства «Синьхуа», им удалось «преодолеть национальные и религиозные барьеры и донести до телезрителей нечто необъяснимо мощное и трогательное». Это вдохновило меня; я решил вновь оценить собранный материал и взяться за более подробное повествование. Разумеется, книга — совсем другой продукт, нежели телевизионная популяризация, подготовленная для массового зрителя; она позволяет сделать рассказ гораздо более «плотным», глубже погрузиться в окружающий ландшафт и отдельные жизнеописания. Но при этом она точно так же может предложить захватывающую историю, отличающуюся необыкновенным творческим подходом, напряженной сюжетной линией и глубокой человечностью. Надеюсь, что хотя бы какая-то часть экранной яркости пролилась и на эти страницы. В конце концов, во всей истории человечества найдется не так много столь же завораживающих, поразительных и важных сюжетов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru